

ВНЕБРАЧНЫЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ АЛТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Женщина и мужчина в русской деревне: гендерные стереотипы старожилы и переселенцы Алтая во второй половине XIX – первой половине XX в.», проект № 11-31-00307a2.

Реконструируются стереотипы и социальные практики русских крестьян Алтая, касающиеся внебрачных связей, бытовавшие во второй половине XIX – первой половине XX в. Исследование основано на этнографических материалах, собранных в Алтайском крае и на прилегающей территории Восточно-Казахстанской области. В ходе исследования автор приходит к заключению о восприятии внебрачных связей не только как девиантного поведения, но и как не ограниченного культурными рамками движения. Также отмечено, что в первой трети XX в. наметилась тенденция перехода контроля внебрачных связей из категории общественной в частную, а последствия Великой Отечественной войны ее усилили.

Ключевые слова: внебрачные связи; измена; русские Алтай.

Отношению к внебрачным связям уделялось внимание в работах, посвященных различным аспектам русской традиционной культуры, как обобщающего [1. С. 71–72; 2. С. 40–41; 3. С. 98–100; 4. С. 782–789], так и регионального характера [5. С. 207; 6. С. 229; 7. С. 133; 8. С. 96; 9. С. 62]. В последнее время исследователи стали уделять более пристальное внимание этой проблеме [10. С. 87–88; 11. С. 120–134; 12. С. 58–61]. В целом авторы сходятся во мнении, что блуд и прелюбодеяние оценивались обществом как отрицательное, девиантное поведение. В данной статье нам бы хотелось уделить внимание не только общему восприятию проблемы русской традицией, но и ее этнографической специфике, неоднозначности и динамике.

Добрачные отношения – *блуд* [13. Волкова М.Г.] – в большинстве этнокультурных групп русских Алтая считались явлением предосудительным, они вызывали негативную реакцию в крестьянском обществе. Вопрос о степени вольности отношений молодежи на гуляниях в современной науке открыт, но совершенно определено, что они регулировались общественным мнением в соответствии с традициями, существовавшими в определенной этнографической группе (см. более подробно [14. С. 397–403]). Система норм, регулировавших взаимоотношения полов на молодежных посиделках, формировала отрицательное отношение к измене. Оказывать знаки внимания сразу нескольким лицам противоположного пола считалось предосудительным, как и часто менять свою пару [13. Еловинова В.С., Комисарова М.У., Гутова Е.Е., Старикова А.Г.; 15. Вережкина А.И.]: «*Вольница* – девушка, которая с разными парнями гуляла» [Там же. Медведева П.К.]. Соперники / соперницы могли применить и физическое воздействие в отношении конкурирующей стороны: «Парни дрались... да, и девки дрались... С одной ходит, а еще за другой ухлестывают» [Там же. Смирнова А.М.]. Негативную оценку измене давал и молодежный фольклор:

Раздайся народ,
Чтобы было видно,
Изменщик идет,
Как ему не стыдно?

[15. Вережкина А.И.].

Хорошо играете,
Лады перебираете,
Только тем не хорошо,
Много девок знаете
[13. Русанова Т.В.].

Говорила я не раз:
– Не люби обеих враз.
За обеими погонишься,
Останешься как раз
[16. С. 19].

Существовали правила расставания парня и девушки, так по свидетельству М. Швецевой, у «поляков» в случае расхождения и выбор себе другой пары нужно было возратить подарки потерпевшей стороне [17. С. 54, 57]. О существовании данного правила нам говорят и частушки:

Дорогой ты мой матаня,
Подойди на пару слов.
Отдай беленький платочек,
Наша кончилась любовь!
[16. С. 15].

Таким образом, осуждалась не столько смена партнера, сколько наличие параллельных отношений.

Какими бы фривольными ни были нормы поведения в молодежном кругу, по представлениям большинства русских Алтая, девушка должна была сохранить свою «честь» до свадьбы, а сексуальная жизнь – протекать в браке. Потеря невинности девушкой до брачной ночи являлась вызовом обществу, поскольку нарушала ритуальный сценарий жизни – гарантию благополучия социума [1. С. 71–72]. У русских Алтая на протяжении всего исследуемого периода девственность считалась одним из главных достоинств невесты: «Её больше ценили, если честная» [13. Дорофеева М.В.]. Она наделяла девушку положительными характеристиками: *хорошая, добрая, честная, целая*. Потерявшая невинность до свадьбы – *нечестная, недобрая, плохая, шалава, ватланая* (использованная) [13]. Судя по материалу, собранному А.Н. Афанасьевым, общность понятий

«девственность – целостность» являлась традиционной для русских [18. С. 492]. На Алтае в ходе свадебного ритуала партия жениха *выкупала* постель или *откупала* место на ней у крестной невесты. Приготовлением брачного ложа занимались представительницы стороны невесты [13; 19. С. 216]. Этот акт символизировал передачу девственности невесты ее родом роду жениха. Вероятно, «честь» (тело, сексуальность) невесты расценивалась как родовая собственность.

Демонстрация «честности» невесты осуществлялась различными средствами. Кержаки и православные сибиряки, из переселенцев воронежские, орловские и вятские могли выносить рубаху или простынь [13. Андреев И.В., Борисова З.Е., Гутова Е.Е., Кондратьева Н.Р., Медведева П.К., Распопина Э.А., Седых О.Е., Яковлева А.С.]: «Свахи укладывали и поднимали их, еще смотрели честная она или нечестная, рубаху проверяли... Вынесут, да покажут» [Там же. Коннова В.В.]; «Проверяют... эту всю постель... простынь выносили... вынесут так на руке... крестный его или дядя, все за столом, выносят и показывает всем» [Там же. Скуратова Е.Ф.]. Существовал ритуал так называемой «сибирской свадьбы»: молодых принародно укладывали в постель, а на утро дружка ездил по деревне, демонстрируя рубаху новобрачной со следами дефлорации [Там же. Пивоварова А.Г.; 20. С. 198; 21. С. 46]. Эта традиция зафиксирована этнографами и в других районах Западной Сибири [22. С. 182; 23. С. 10; 24. С. 27].

Известно множество акциональных и предметных символов «честности» / «нечестности» невесты: «Честная – жениху красную ленточку, нечестная – выкусывали блин и на голову матери невесты» [13. Гутова Е.Е.]; «Блины невестина родня пекёт, чтобы не было дырок, т.к. невеста девушка... Девка хороша, так отца с матерью посадят в кошевку и будут катать, если нет, глаза завяжут» [Там же. Полеваева П.И.].

У всех этнокультурных групп было принято производить манипуляции с посудой [Там же]: «Нечестная – стакан без дна теще» [Там же. Андреев И.В.]; «Если ф добрая невеста, быют добрую посуду, если ф нет – худую» [Там же. Неверова А.П.]; «Если девчонка – рюмочки позолочённые, если нет – ложку сверлили, стакан выщербленный» [Там же. Медведева П.К.]. В данных действиях выразилось представление: женское тело – сосуд. Если невеста была нечестная, могли на теще порвать одежду: «У нас вот Леня жанился... я вместо свекровки была... на мне рубаху рвали» [Там же. Лапина Е.И.]. Тамбовские и вятские переселенцы ломали печную трубу в доме родителей невесты: «Трубу ломали, лазили на крышу парни, им водку подавали» [Там же. Медведева П.К.; Седых О.Е.]; «Это не добрая – лазили трубу ломать» [Там же. Иванова А.М.].

Одним из униительных наказаний для родителей нечестной невесты было надевание хомута на шею [Там же. Коннова В.В., Яковлева А.С.; 20. С. 198; 21. С. 46], даже считалось, что их могло парализовать от стыда [13. Медведева П.К.]: «Раньше, говорят, хомуты даже одевали, если недобру девку отдашь, так матери или отцу наденут на шею» [15. Суханова Т.А.]. Этот обычай содержал смысл сравнения ее поступков с поведением животных [1. С. 85].

Согласно исследованию Т.А. Бернштам, реальное оповещение о дефлорации новобрачной было характерно для южнорусской традиции, символическое – для северорусской [2. С. 60]. Таким образом, вопрос сохранения девушкой невинности до брака относился к категории общественных.

На отношение к добрачной потере невинности невестой накладывала отпечаток этнокультурная принадлежность. Этнограф конца XIX в. М.В. Швецова отмечала, что у поляков потеря невинности девушкой до брака случалась очень редко и чаще всего среди беспоповцев и самодуровцев, считавших законный брак блудом, а истинным браком – сожитие по любви. Единоверцы и представители поповских сект к внебрачным связям относились неодобрительно, и среди них эти связи почти не встречались и вызывали общее осуждение, хотя и менее строгое, чем у представителей официального православия [17. С. 50–51, 54]. У каменщиков дружка заранее проверял брачное ложе на предмет имитации следов дефлорации, запирали комнату, свахи ее охраняли [20. С. 198]. Замечания С.И. Гуляева, что у каменщиков девушки не выходили замуж, а вступали в «непозволительные связи, вели распутную жизнь» [25. С. 17], и А. Притца: «Девушке не ставилось в укор, если она до замужества жила с кем-нибудь» [26. С. 581], вероятно, относились к сводному браку, распространенному у староверов, но официально не признававшемуся с точки зрения закона.

Нужно отметить, что невенчанные браки – «сводные» – в народной среде не воспринимались как проявление безнравственности, так как в Сибири далеко не везде были поблизости церкви и священнослужители [27. С. 319, 354]. В советские годы отсутствие церковного венчания укрепило представления о необязательности юридического оформления брака у русских крестьян Алтая. Молодые часто ограничивались благословением родителей и свадебным обрядом с участием односельчан. В данных обстоятельствах их сожителство не расценивалось как блуд [13]: «Я выходила, не лигистровалась... А тогда не шибко лигистровалась, у нас и мама жила, они не лигистровались» [Там же. Еловикина В.С.]; «Мы не расписывались... Раньше и моды этой не было, сходятся и живут» [Там же. Сальникова А.И.]. Необходимость регистрации брака в этот период связывалась чаще всего с рождением детей, когда возникала необходимость оформления документов: «Да у нас никакой свадьбы не было просто сошлись и всё... а рожаться стали надо уже регистрироваться» [Там же. Русанова Т.В.]; «Когда девчонка, Галя, у меня родилась, сходили расписались» [Там же. Игнатушина В.С.]; «Расписались, когда уже дети пошли» [Там же. Бральгин А.С.].

По сведениям М.В. Швецовой, исключением из общего правила осуждения добрачных связей являлись отношения молодежи у бергалов, которые поразили ее своей распушенностью [28. С. 11]. Судя же по воспоминаниям Г.Д. Гребенщикова, выросшего в семье бергала и казачки, эти этнографические группы относились достаточно щепетильно к этому вопросу: «Молодых замучат, не спустят с них глаз, пока не придет время, по приказу тысяцкого, запереть их в холодном амбаре, чтобы свахи и дружки и все опытные бабы

лично убедились, что честно Ольга вышла замуж» [29]. В начале XX в. Ф.К. Зобнин отмечал, что у казаков на целомудрие смотрели «с условной точки зрения», придавая значение показной стороне. Друга должен был предоставить новобрачной средства для имитации ее невинности для публики [19. С. 216–217].

Вероятно, в XX в. с распространением преимущественно самостоятельного выбора брачного партнера у русских Алтая внедрялось и более лояльное отношение к добрачной потере невинности, в особенности если виновником являлся сам жених. Это предположение подтверждают и слова информантов: «Переспит с ним, а крови-то нету после первой брачной ночи, так, говорит, жених там себе палец резал чтобы скрыть» [13. Казакова Ф.Р.]; «Утром эти свахи приходят, подымают... Простынь выносят... Смотрят кака она была, простынь белую стелют под них... если неладная, колют куриц, кровь принесут, простынь замарают» [Там же. Волкова Т.И.]; «Спать ложатся. А сваха сидит до темноты. Поспят, свет зажигают, поднимают невесту – честная или нет? Если жених не скроет, тогда назавтра в ложке дырку сделают или у бутылки горлышко разобьют, что не честная... А может, она дрянь, а жених скроет... говорил, что честная, вот и всё» [15. Голованова Е.Л.]. Если факт все же становился достоянием гласности, общество демонстрировало свое порицание [13; 15. Голованова Е.Л.]: «Сказывали, легла невеста с женихом-то спать... Она уже была не девчонкой... Ее крестной, этой девки, она знала. Ну, и взяли у петуха это, гребень отрезали и в флакончик напустили крови. Ну, как – будто она девчонка была честная. А там стоял какой-то пузырек с этим флаконом. Чернило химическое было... А она спутали это, чернило-то... на простынь вылила и ей на рубашку... Выводят, где люди, ну, на народ, что невеста честная... а у нее не красно, а сине. Там, какой скандал был, смех. Это же неудобно» [15. Комарова А.Д.].

В 30–40-е гг. XX в. данный ритуал изживал себя [13]: «Это вот раньше было. А уже как я помню, этого уже не было, этим уже не занимался никто. И какая она там вышла: девчонкой, не девчонкой – никто не знал, только один жених знал» [15. Комарова А.Д.]. Таким образом, постепенный переход к самостоятельному выбору брачного партнера в первой трети XX в. впоследствии повлек за собой перевод проблемы добрачной потери девичьей невинности из категории общественной в приватную.

В случае обольщения или обмана девушки парнем вина и позор в первую очередь ложились на девушку, она получала статус «гулящей» и порицание односельчан, особенно если в результате такой связи родился внебрачный ребенок – сураз: «Плохо к гулящей относились» [13. Ситникова К.П.]; «Сураз, с холодком относились, разболтанная, мама не разрешала с ей дружить» [Там же. Федорова У.М.]; «С призрением, даже девка пролетит, все знали» [Там же. Быковская З.И.]. Примечательно, что даже в случае сексуального насилия над девушкой ей было свойственно чувство вины за случившееся и ущербности, если же насильник соглашался прикрыть позор браком, то и чувство любви и благодарности: «Он меня поймал и изнасиловал, девушку, надсмехался... Ну когда, значит, надсмехался, привел меня ко крыльцу, к отцу бро-

сил в сенки. Я пришла, упала, но я уже просмеяна, и виду не дала ни отцу, ни сестрам... Я прожила с ним 20 лет, полюбила» [13. Соскова М.Н.]. С мужской точки зрения отсутствие сексуальных отношений до брака расценивалось как уважение к девушке со стороны парня, а предложение близости могло быть проверкой ее моральной стойкости.

Общественность могла применить карательные санкции к нарушительнице моральных норм: «Молодежь гулящей подол на голове завязывала, к кресту на кладбище привязывали» [Там же. Андреев И.В.]; «Пролетит, как сейчас говорят, привязывали к кресту, мама рассказывала... сурово наказывали» [Там же. Казакова Ф.Р.]. Подобное наказание молодежь могла применить и к неверной жене: «Юбку завязывали, это я знаю. У нас он какой-то мне приходится свой, она с им жила, сама крутила. Завязали ей юбку, раскрутили и отправили... Да она замужем была» [Там же. Иванова З.М.]. Если возникало подозрение девушки в добрачном сожителе, в ее доме могли измазать ворота дегтем или побить окна [Там же. Быковская З.И., Иванова З.М.; Медведева П.К., Спиглазова Т.Л.]: «Дегтем ворота мазали, отец лупил. Не маранная, а из-за ревности» [Там же. Полеваева Н.Д.]; «Раньше девчонкам красили, если она виновна... дверь» [Там же. Пичугина А.П.]; «Мазали ворота дегтем и окошки били» [Там же. Никитина А.Н.]. Соблазненная и обманутая девушка, чтобы избежать публичного порицания, могла решиться на аборт, бегство из села или даже самоубийство [Там же. Бабенко А.П., Пичугина А.П., Полеваева Н.Д.; 29]: «Шимка называли, вот она с каким-то парнем дружила, вот она пролетела. А парни-то тоже разные... и он растрезвонил про них. Собралась вечерка, и это Шимка пришла, и парни ее дергают, выхватывают из дома... Пошел ее провожать дед какой-то, охранять. Он ее привел, а у нее были братовья, и ее вскоре тут забрали и отправили, по моему, в Змеиногорск» [13. Казакова Ф.Р.]; «У нас тут одна девка была хороша такая и забеременела. А ее родители притесняли. Он дал ей отравы выпить в бане и родишь. Она выпила и умерла» [Там же. Панова А.П.]; «У нас как одна, была девушка, это в войну. Она пристарела... Она с учителем... забеременела... Ребенок родился, они взяли подушку. Да навалили и он задохся. Мать-то... унесла ребенка и закопала» [Там же. Холодкова М.Ф.].

М.В. Швецова отмечала, что бергалы оправдывали «вытравление» или убийство внебрачного ребенка матерью, поскольку с ним она не могла рассчитывать на замужество [28. С. 11–12]. Отрицательное восприятие деторождения вне брака поддерживалось церковной нормой и имперским законодательством [12. С. 58–59; 30. С. 96].

В первые десятилетия советской власти, несмотря на изменения в законодательстве, традиционное отношение к таким детям сохранялось. Были случаи, когда оступившаяся девушка выходила впоследствии замуж, даже родив внебрачного ребенка, правда, претендовать на хорошую партию она уже навряд ли могла [13. Волкова Т.И., Есипова В.Ф., Заподовникова А.М.]: «Сураз – плохо относились, брали замуж, но редко, вдовцы, холостяки... Обегали такие дома, распутные семьи. Парни из порядочных семей отшивали их» [Там же.

Андреев И.В.]; «Вот здесь тетя жила... И вот у нее была дочь, она внебрачная... Она вышла замуж за безрукого... Он удочерил эту Варвару» [13. Казакова Ф.Р.]; «Которы выходили, умрет жена, а надо мать, выйдет за такого замуж» [Там же. Сабодаж З.Е.]; «Была одна девушка... Родила парнишку... Был у нас парень инвалид, его трясло, секретарем работал... А за его кто пойдет?! Никто! И она за его пошла» [Там же. Холодкова М.Ф.]. Русские крестьяне Алтая старались не брать невест из семьи, члены которой были замечены в порочных связях, считая что это может передаваться по наследству: «Порода даже блядливая, нет, как говорят. И это смотрели, тоже оказывается передается по наследству... легкого поведения или нет она, это все смотрелось» [Там же. Казакова Ф.Р.].

Полевые материалы показали, что особую зону риска составляли девушки-сироты, нанимавшиеся в дома богатых односельчан в качестве прислуги или батрачки: «Живет в батраках, приживет ребятишка. Одна женщина прижила и бросила свиньям ребенка... вольная» [Там же. Маркина М.Х.]; «Жила у нас бабонька Артемоньевна... Мама насмелилась, ей задала такой каверзный вопрос: “Скажи от кого ты Варвару прижила?” Она ей не сказала: “А вот Она! Не жила бы по прислугам и этого бы не было”» [Там же. Казакова Ф.Р.].

Соблазнителья призывали к ответу, если семья девушки имела вес в обществе и могла за нее заступиться: «А парня били, ему нагаек двадцать пять давали... К девчонке он приставал к какой-то... А она пожаловалась атаману, она его родственница была» [Там же. Казакова Ф.Р.]; «С какой он таскался, дружил в общем, и надружил ребеночка... Она бедная была, родители ее не надо было, они его женили на маме» [Там же. Пурис А.Н.]. Позор старались «прикрыть законом», т.е. выдать дочь замуж [29]. Средством восстановления девичьей чести считалось заключение брака как с виновником позора, так и с другим мужчиной: «Если родители в авторитете, заставляли жениться» [13. Андреев И.В.]. Исключением, по сообщению М.В. Швецевой, были нравы самодуровцев, которые предпочитали воспитать незаконнорожденного ребенка, чем дать согласие на брак дочери с представителем официального православия или другого старообрядческого согласия [17. С. 50–51].

К молодому человеку, конечно, требование сохранения целомудрия не предъявлялось, к тому же проверить его наличие не представлялось возможным. Его связь с вдовой или разведенной женщиной воспринималась обществом вполне лояльно, впоследствии они могли узаконить свои отношения: «А там овдовела одна, у ей мужа убили. На фронте. Он подрос (дядя информанта. – Е.К.) и давай к ей, к этой сударушке ходить... Она старше его на шесть лет была... Ну и сошлись, сошлись и век прожили» [13. Лямкина Е.И.]. Данный вид взаимоотношений зафиксировала частушка:

Брошенки – вы горошенки,
Вас за что ребята любят?
– Вы хорошеньки

[Там же. Маркина М.Х.].

Терминология внебрачных связей у русских Алтая – «гулять», «таскаться», «бегать», «ходить», их участников – «гулящая», «потаскушка» / «потаскун» [13. Волкова Т.И., Гольянский В.С., Заподовникова А.М., Кравченко А.Г., Русанова Т.В., Скуратова Е.Ф.] – имеет ассоциацию с движением вовне, дорогой: «Гуляли. И замужние бабы бегали. С мужиком живет, живет, пошла от его. У нас тут один... с одной пять лет гулял» [Там же. Смирнова А.М.]; «Он побегивал по чужим бабам» [Там же. Игнатушина В.С.]. Потаненный фольклор также отразил связь дороги и внебрачных отношений:

Пойду в лес заблужусь,
Может кто и выведет.
Пойду лягу на дорогу,
Может кто и вы...т

[13. Элер Л.С.].

Поведение человека, имевшего внебрачные связи, в представлениях русских крестьян Алтая сближалось с поведением животного, отсюда и употребление в их адрес терминов, обозначающих самку и самца у собак – «сучка» / «кобель» [Там же. Русанова Т.В.]: «Сучкой обзывал – гуляла жена» [Там же. Полеваева Н.Д.]; «С мальчишками... разговаривал отец... Выбор должен быть однозначный, не несколько раз тот, другой, третий, с кем он сравнивал не помню, с кошками что-ли» [Там же. Фоменская В.Н.]. Были распространены и гендерно окрашенные выражения, например, обозначающее мужскую измену – «ходить на лево». Вероятно, оно происходило от традиционной феминной символики левой стороны. «Разболтанная», «вольница» [Там же. Свиридова М.Н.] – говорили о девушке, уличенной или заподозренной в добрачной связи. В данном случае присутствует ассоциация со свободой как отсутствием ограничивающих рамок. Женщину, уличенную в прелюбодеянии, называли нецензурным словом – «блядь», которое дало название участию во внебрачной связи – «блядовать», «поблядовывать»: «Мой поблядовывать любил. Были у него ухажерки» [Там же. Комисарова М.У.]. Данная терминология оказалась достаточно устойчива и практически полностью сохранилась до сегодняшнего дня.

К похождениям мужа в русской деревне относились спокойнее, чем к измене жены [13]. Существовало представление, что в жизни женщины должен быть один сексуальный партнер – ее муж, иначе – это грех: «Лучше один мужик, меньше греху» [Там же. Иовбак Г.Т.]; «Должен быть один мужчина» [Там же. Гольянский В.С.]; «Я не изменяла... Я не грешная ни кем» [Там же. Комисарова М.У.]. В русской традиции изменение женского репродуктивного поведения, в том числе появление грешниц-блудниц, связывалось с наступлением последних времен [31. С. 222, 224]. Муж обладал, по выражению Р. Коллинз, «сексуальной собственностью» на тело супруги [32. С. 117], её нарушение считалось преступлением и наказывалось в обычном праве. Двойной стандарт восприятия прелюбодеяния поддерживала религиозная мораль, призывавшая жен неверных мужей покориться судьбе, «держаться» их при себе и не пускать к соперницам.

Обманутый же муж должен был непременно наказать изменницу, чтобы самому не стать пособником прелюбодеяния [3. С. 99]. Сведения об измене деревенская общественность считала своим долгом донести до пострадавшей половины: «Ну Господи! Деревня есть деревня... Добрые люди говорили всё... А уж народ то стал говорить, что она за ём бегает» [13. Русанова Т.В.]; «Одна как родила, муж в армии был, она суразенка родила. Ну а мужу все равно писали, что родила жена у тебя тут» [Там же. Дерягина Е.Ф.].

Полевые материалы пестрят рассказами об унижениях и побоях мужьями женщин, уличенных или заподозренных в измене [Там же. Заповодникова А.М.]: «Наказывал муж такую жену, лупили, за косы таскали, вожжами били» [Там же. Андреев И.В.]; «Тятя шибко злой был, ревновитый, бил маму, кто на ее взглянет – все» [Там же. Еловинова В.С.]; «У меня вот бабка была, дак она тоже была такая “оторви, да брось”... Мама вот рассказывала, у ей волос длинный был большой. Отец сядет на коня, в Березовке, и от туда, говорит, намотат волосы вот так вот на руку (на кулак. – Е.К.), он на коне, она пешком... Вот она гулящая была бабка. Только маленько поживет, опять куда-нибудь. Он опять на коня садится и опять. На мотает прям вот так на руку-то волосы ей и ведет ее рядышком: он на коне, она пешком» [Там же. Иванова З.М.]. В фольклоре встречаются сюжеты убийств неверных жен их мужьями [9. С. 49–50; 17. С. 85–86].

Архивные источники также сообщают, что самосуд в решении «любовных дел» оканчивался нередко убийством [33. Л. 5Б]. Случались любовные истории и с убийством жены и детей отвергнутой любовницей мужа: «Тётку с тремя детьми зарубила любовница дядькина. Он собирался её бросить и уехать с женой в другую деревню» [13. Белозерских А.Р.].

Н.А. Миненко полагала, что в Западной Сибири народная мораль в отношении внебрачных связей была более жесткой, чем в Европейской России [7. С. 113]. Самые строгие наказания за прелюбодеяние были у староверов, кержаки Горного Алтая неверных жен, родивших сураза, били и впрягали за косы в повозку: «У-у-у, бил, они далеко жили от деревни, он ее косами привяжет к этой, вот здесь сидельник то, коня запрягают... а сам с бичем сидит, он бил ее, избивал шибко» [13. Пурис А.Н.]. Вероятно, данное наказание символизировало, как и надевание хомута на родителей нечестной невесты, поведение животного характера. Г.Д. Гребенщиков писал, что одна из поморок деревни Выдриха, изменившая мужу, служившему в армии, «должна была искупить свой грех тем, что наложила на себя руки» [34]. Идеология старообрядчества способствовала усилению контроля за соблюдением религиозно-нравственных норм [35. С. 16]. По сообщению А. Новоселова, после того как в Малоубинке прошел слух о прелюбодеянии наставника общины федосеевцев, половина села откололась от его общины [36. С. 9].

Нужно отметить, что большое значение играл личностный фактор и в одной этнокультурной среде судьба оступившейся женщины могла сложиться по-разному: «Казак тоже казакам разный... У нас тут жили на другой улице Николаевы, баба Дуня Николаева, и

вот этот дед Иван Иванович. В моём понятии, зверь какой-то, он ее бил частенько, они уже старые были, он её все равно колотил... Говорят так, что когда он ушел служить на действительную, а они же четыре года служили, он был женатый, и она тут без него родила ребенка. Он пришел, а у ней ребенок. Он уже, говорят, не подпускал к зыбке и ребенок умер. Вот так всю жизнь и жили, она рожала уже от него, он ее колотил. А второй точно аналогичный случай, вместе они, говорят, служили, он сам и зыбку качал и все. Разные» [13. Казакова Ф.Р.].

По законам Российской империи, прелюбодеяние являлось основанием для развода, нарушением святости брака, оскорблением супруга, за которое полагалось уголовное и церковное наказание [30. С. 35, 87]. В русской деревне Алтая из-за практической невозможности расторжения церковного брака случались фактические разводы, но крайне редко. Инициаторами разрыва выступали в основном мужья неверных жен, особенно если в результате измены рождался ребенок. В деревне Белая бухтарминских каменщиков на окраине сложилась Размотаева улица, где селились отходки и брошенки, т.е. они имели статус изгнанных из общества при домостроевском укладе [37. С. 22]. Несмотря на негативное отношение, деревенская общественность, например, у казаков могла помогать такой женщине: «Муж выгонит, она избушку найдёт и поселится. Могли ей и покос выделить поближе, т.к. она ребёнка одна воспитывает» [13. Полеваева П.И.]. Нужно отметить, что сама женщина даже в советское время крайне редко уходила от неверного мужа и не расценивала измену как веское основание для расторжения брака, особенно если в семье были общие дети: «По другим юбкам шарился... Ну развестись как развестись? А ребятишки. Я вот, к примеру, разведусь если, а кому мои дети другому то отцу нужны... Мы разошлись, он три дня прожил у этой тетки и пришел... Детей-то шесть, а кому я с такой бараной нужна?! Как говорят, хоть худенькай, да свой огород» [Там же. Русанова Т.В.]. Порой обманутая жена принимала традиционную стратегию поведения – устранить соперницу, в том числе физически: «Ходила и лупасила и всё делала... Я ощепок взяла, которым лучинки щипают, и её по голове ударила, вот тут рассекла голову и вот мы там схватились с ей драться... Думаю, надо ей волоса драть, чтоб люди увидели что у ней волоса дратые... А мои ребятишки ей все окна били» [Там же. Русанова Т.В.].

О фактах супружеской измены информанты свидетельствуют как о реальных, хотя и исключительных вещах. Адюльтер существовал и внутри большой семьи. Встречаются упоминания о связях женщин с деверями [Там же. Пурис А.Н.], о «снохачестве» – сожительстве свекра и снохи [Там же. Тарских Е.П.; 17. С. 63; 38. Попова И., Чернокова В.Л., Сысоева В.С., Федорова В.П.]: «Это чаще было, особенно у староверов. Когда жил свекор со снохой, это снохачами их звали мужиков таких. Но мама рассказывала тут единственный случай она слышала... В общем, казак ушел на службу на четыре года... Осталась сноха с ребенком, отец и мать. Бах, мать умерла, и в доме-то остались эти четыре года свекор-батюшка и сноха, и ребенок, и

начали грешить. Естественно это стало в селе известно, и когда его демобилизовали... Ему сказали новобранцы-то, и он, говорит, пришел и ушел. Уехал куда-то. А она так с ним и жила, вскоре умер дед-то, она его тенькой звала» [13. Казакова Ф.Р.]. По свидетельству А. Притца, нравственность каменщиков стояла весьма низко по легкости взгляда на прелюбодеяние. Любовные связи брата с сестрой, отца с дочерью и т.п. считались дозволимыми, назывались «птичьим грехом», по уподоблению птенцам, вышедшим из одного гнезда [26. С. 581]. Полевые материалы свидетельствуют о несколько ином понимании данного термина: «Птичий грех» – половой акт [13. Медведева П.К.]. Примечательно, что в полевых материалах был встречен рассказ о кержацкой семье, где отец сам лишал дочерей невинности перед свадьбой [38. Серебрянников И.Я.]. Эта практика могла быть осколком древнего понятия, что девушка не должна поступать девственной в обладание мужа.

Часто измены были связаны с распространенностью браков по воле родителей: «Папиного брата, Петра, его женили на нелюбимой... Но все равно он был против. С какой-то он там девушкой повстречался. И они тайком жили, так получилось, что прятались, ее братовья ее искали, его бить хотели» [13. Капорина М.А.]. Одной из причин прелюбодеяния было длительное отсутствие мужа дома, например, во время службы в армии [Там же. Дерягина Е.Ф.; 34], поэтому часто это происходило у казаков, что отразилось в фольклоре:

Ехали казаки со службы домой...
Едут по дорожке, родитель идет.
«Ох, здорова, папаша».
«Здорово, сын родной».
«Расскажи папаша про семью мою».
Семья славу богу, прибавилась.
«Жинка молодая сыночка родила».
Сын отцу не слова, садился на коня,
Подъезжает к дому, стоят и мать с женой.
Мать сына просила: «Сыночек прости жену».
«Тебя мам прощаю, жену никогда».
Ой заблестала сабля во правой руке,
Слетела головка с неверной жене.
«Ой, что же я наделал, чего же наробил,
Я жену зарезал, дитя осиротил»

[13. Комисарова М.У.].

На Алтае вопрос о наказании за измену мог решать сельский сход. В наказание провинившуюся заставляли мести улицу или водили по селу с корзиной на голове, после чего она не могла показаться людям [9. С. 62; 38. Архипова А.Г., Воронина М.В.; Косарева Е.Г., Новикова Н.С., Стрельцова А.Г., Сысоева В.С., Федорова В.П., Черятева А.Г., Шестакова Е.]. Часто сход старался помирить мужа с женой [13. Казакова Ф.Р.]. И.С. Кон полагает, что в русской культуре оппозиция *публичное / частное* размыта из-за «соборности» коллективного сознания [39]. В советский период можно было воздействовать на неверного супруга через местную парторганизацию и органы власти, товарищеский суд, чем пользовались в основном женщины: «Пошла я в партком жаловаться... Подала я на суд... Клуб большой

был, а народу... Присудили ей двадцать четыре часа, чтобы в двадцать четыре часа она отсюда убралась» [13. Русанова Т.В.].

Что касается проституции, то, судя по архивным документам, в селах Алтая она существовала и источниками ее пополнения были одинокие женщины. Поскольку в пореформенной России проституция была легализована, в марте 1876 г. волостные правления Алтайского округа, по распоряжению земской полиции, составляли именные списки женщин, занимающихся развратом, «на предмет свидетельствования их посредством медика» [33. Л. 27А]. В Бурлинской волости для этого старосты «призывали известных проституток и расспрашивали их, “не гуляет” ли кто еще из числа деревенских девок, вдов или солдаток» [33. Л. 27А–27Б]. По сведениям М.В. Швецово, в бергальских деревнях были девушки, занимавшиеся проституцией, что не мешало им впоследствии выйти замуж, но после замужества «вольная жизнь» считалась предосудительной [28. С. 12]. Исследователи также отмечают, что проституция была распространена в первой трети XX в. в богатых деревнях бухтарминских старообрядцев, где ею занимались отходки и брошенки [37. С. 22].

Информанты считают, что с приходом советской власти измен стало больше, потому что раньше «греха боялись» и супруги, работая в собственном хозяйстве, практически не общались с посторонними людьми [13. Бральгин А.С., Воронкова М.И., Сорокина А.М.]: «Измены были редко, когда колхозы пошли, им стала воля, больше стало. До этого всё время вместе» [Там же. Андреев И.В.]; «В перед-то как-то стыдились этого дела, а потом-то до полна. Как колхоз то стал так вовсе. Кто поженится, в обществе то чево, все вместе работали, он какую-нибудь другу обнимает» [Там же. Пурис А.Н.].

Сильнее всего на трансформацию традиционных представлений русских крестьян Алтая о браке как об организационной структуре сексуальной жизни человека и деторождения повлияла Великая Отечественная война. Женщины, которым не удалось выйти замуж, пытались реализовать себя в качестве любовницы и матери [40. С. 213]. Нарушительницами традиционных норм морали становились в первую очередь девушки 1920–1925 гг. рождения, не успевшие вступить в брак до войны, и молодые вдовы, не имевшие детей [13. Ефимова В.И., Макарова Т.Ф., Свиридова М.Н., Сухова А.К.]: «Вот моя лично сестра родила до замужества, но это очень была большая любовь... В войну много рожали женщины в девушках, женихи погибли» [Там же. Есипова В.Ф.]; «Мужья-то от жен гуляли к незамужним, им замуж выходить, а тут война... У нас много было девок застарелых, у меня золовка, двоих родила» [Там же. Андреев И.В.]; «У меня сын... Замуж я не выходила, не было у меня такого счастья... Нас таких много... Всех парней перебило 23, 24, 25 год» [Там же. Вихорева П.И.].

Внебрачные отношения стали распространены, как среди холостых, так и среди женатых мужчин. Информанты отмечают увеличение числа распадавшихся семей в этот период из-за внебрачных связей [Там же. Старикова А.Г.]: «После войны то... вдов то много осталось, а которые фронтовики пришли то, своих то

побросают, да с другой свяжутся» [13. Еловикова В.С.]; «Отец с войны приехал, пришел. Ну тут с одной связался, да и ушел от мамы» [15. Суханова Т.А.]; «Он (отец информанта. – Е.К.) на фронт ушел, она (мать информанта. – Е.К.) его ждать не стала» [13. Прайдакова Н.И.].

Общественное мнение, при сохранении общего восприятия внебрачной связи как дивиантного поведения, смягчилось и даже выработало оправдательную аргументацию, в первую очередь для женщин, вступавших в связь, чтобы родить ребенка: «Стань их обсуждать: “Ха! Вы счастливые, до войны нарожали, а мы должны без детей жить”... Греха много было... Бабы без мужиков звереют» [Там же]; «У нас одна пятерых родила, а замужем не была... Она женщина, природа требует» [Там же. Маркина М.Х.]; «Осуждали... Женщины молодые – это природа» [Там же. Митрохина А.Т.]. Вследствие демографического перекоса возросла конкуренция среди женщин, порой они обращались к магическим средствам привлечения мужчины и устранения соперницы: «Мама рассказывала такой случай, что мужчин-то много поубивало на фронтах и все. И она говорила... сглазу, порчу в то время уже наводили. Если женщина жила с мужем, то старались зло делать и уводить мужчину из этой семьи. На него порчу напус-

кали» [13. Фоменская В.Н.]. В то же время снизились требования к выбору партнера, большая разница в возрасте или физический недостаток часто не являлись помехой для связи: «Он с ей таскался, она ему хода не давала никакого... Да она ему мать была считай. Она с восемнадцатого года была, а он с тридцать второго» [Там же. Русанова Т.В.]; «Я на своей фамилии. Глуха деревня, к нам никто не заехал, ровни нет, а сходилась с неровней, они смотрят от меня, поживу-поживу и выгону» [Там же. Волкова М.Г.].

Таким образом, в представлениях русских крестьян Алтая внебрачные связи воспринимались не только как отрицательное дивиантное поведение человека, но и как животное, не ограниченное культурными рамками движение, дорога из установленной браком системы сексуальной жизни. Дальнейший жизненный сценарий оступившегося человека зависел от этнокультурной принадлежности и личностного фактора. К добрым связям относились несколько мягче, чем к супружеской измене. Женское сексуальное поведение контролировалось и оценивалось строже мужского. В первой трети XX в. наметилась тенденция перехода контроля внебрачных связей из категории общественной в частную, а последствия Великой Отечественной войны ее усилили.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
2. Бернштам Т.А. Молодёжь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988.
3. Пушкарёва Н.Л. Интимная жизнь русских женщин в X–XV вв. // ЭО. 1998. № 1. С. 93–103.
4. Слепцова И.С. Гендерные механизмы регуляции поведения молодежи в традиционной русской деревне // «А се грехи злые, смертные...»: любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.). М., 1999. С. 782–798.
5. Курпникова И.В. Семейные обряды и обычаи // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры. Барнаул, 2004. С. 196–210.
6. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: русские на Алтае. XVIII – начало XIX в. М., 1996.
7. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск, 1979.
8. Сафьянова А.В. Внутренний строй русской сельской семьи Алтайского края во второй половине XIX – начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 91–109.
9. Сафьянова А.В. Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края (вторая половина XIX – XX в.): дис... канд. ист. наук. М., 1973.
10. Пушкарёва Н.Л. Позорящие наказания для девушек в традиционной русской культуре XIX – начала XX в. как следствие гендерной асимметрии // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2009. № 3. С. 87–88.
11. Пушкарёва Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 120–134.
12. Шепанская Т. Блудный грех // Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб., 2005. С. 58–61.
13. Полевые материалы автора. 2001, Кытмановский район, с. Ново-Троицк, Комисарова М.У., с. Сунгай, Гутова Е.Е., с. Тяхта, Распопина Э.А.; 2003, Бийский район, с. Верх-Катунское, Дорофеева М.В., Заповодникова А.М., Неверова А.П., Пахомова М.М., Пивоварова А.Г., с. Степное, Ситникова К.П., с. Шебалино, Андреев И.В., Гольянский В.С., Иовбак Г.Т., Кравченко А.Г.; 2004, Чарышский район, с. Мара-лиха, Белозерских А.Р., Медведева П.К., с. Тулата, Полеваева Н.Д., Полеваева П.И., Спиглазова Т.Л., Федорова У.М., Яковлева А.С., с. Чарышское, Кондратьева Н.Р., Лямкина Е.И.; 2005, Солтонский район, с. Излап, Еловикова В.С., Старикова А.Г., с. Макарьевка, Антропова А.И., Игнатушина В.С., Русанова Т.В., Смирнова А.М., с. Сузоп, Пурис А.Н., с. Урунск, Волкова Т.И., Дерягина Е.Ф., Скуратова Е.Ф.; Шелаболихинский район, с. Иня, Карпова Е.Д., Коннова В.В., Леонтьева Н.А., Прайдакова Н.И., с. Ново-Обинцево, Иванова А.М., с. Старо-Обинцево, Волкова М.Г., Митрохина А.Т., Панова А.П., с. Шелаболиха, Быковская З.И.; 2006, Восточно-Казахстанская область, с. Выдриха, Борисова З.Е., г. Шемонаих, Капорина М.А., Пичугина А.П., Сабодаж З.Е., Фоменская В.Н.; Тогульский район, с. Ново-Иушино, Вихорева П.И., Лапина Е.И., Седых О.Е., Холодкова М.Ф., Чернышева А.П., с. Старый Тогул, Бральгин А.С., Есипова В.Ф., Ефимова В.И., Маркина М.Х., Никитина А.Н., Савинцев А.Е., Свиридова М.Н., с. Тогул, Сальникова А.И., Соскова М.Н.; 2011, г. Бийск, Элер Л.А.; 2012, Ельцовский район, с. Ельцовка, Бабенко А.П., Сухова А.К.; Советский район, с. Шульгин Лог, Макарова Т.Ф.; Чарышский район, с. Сентелек, Тарских Е.П., с. Тулата, Иванова З.М., с. Чарышское, Казакова Ф.Р.
14. Коляскина Е.А. Культура поведения девушек в русских деревнях Алтая второй половины XIX – первой трети XX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 23. С. 397–403.
15. Архив лаборатории исторического краеведения Алтайской государственной педагогической академии. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1: 1996, Третьяковский район, с. Екатериновка, Голованова Е.Л.; 1999, Заринский район, с. Сорокино, Вережкина А.И.; 2000, Мамонтовский район, с. Малые Бутырки, Суханова Т.А.; 2001, Кытмановский район, с. Новодуплинка, Комарова А.Д.
16. Частушки Чарышского района: сб. / ред. Н.Д. Карпов. Барнаул, 2006.
17. Швецова М. «Полки» Змеиногорского округа // ЗСОИРГО. Омск, 1899. Кн. XXVI. С. 1–92.
18. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н. Афанасьевым: 1857–1862. М., 1997.
19. Зобнин Ф.К. Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Усть-Каменогорского уезда (этнографический очерк) // Шарабарина Т.Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX в.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 199–219.
20. Белослюдов А.Н. Свадебный ритуал «каменщиков» (материалы по этнографии засельщиков Бухтарминской долины) // Шарабарина Т.Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX – середина XX в.). Усть-Каменогорск, 2004. С. 186–198.

21. Гуляев С.И. Этнографические очерки Южной Сибири // Библиотека для чтения. СПб., 1848. Т. 90, ч. 1. С. 1–58.
22. Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995.
23. Крестьянская свадьба в Западной Сибири (в Ишимском округе) // Сибирь. 1887. № 13. С. 10.
24. Яоринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // ЗСОИРГО. Омск, 1889. Кн. 2. С. 1–147.
25. Гуляев С. Алтайские каменщики // Санкт-петербургские ведомости. СПб., 1845. № 27. С. 1–58.
26. Прутц А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // ЗИРГО. По общей географии. 1867. Т. 1. С. 543–581.
27. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.
28. Швецова М. Из поездки в Ридерский край // ЗСОИРГО. Омск, 1898. Кн. 25–26. С. 1–27.
29. Гребенщиков Г.Д. Егоркина жизнь // Русский писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков. [Б.м.], 2007–2008. URL: <http://grebensh.narod.ru> (дата обращения: 25.06.2008).
30. Законы о женщинах / сост. Я.А. Канторович. СПб., 1899.
31. Щепанская Т.Б. Антиматеринство: к народной эсхатологии XX в. // Христианство в регионах мира. СПб., 2002. С. 219–230.
32. Коллинз Р. Введение в неочевидную социологию // Антология гендерных исследований. Минск, 2000. С. 114–141.
33. Архив Русского географического общества. Разряд 62. Оп. 1. № 20. Костров Н. Суд и расправа у крестьян Алтайского горного округа. Томск, 1881.
34. Гребенщиков Г.Д. Река Уба и убинские люди (литературно-этнографический очерк) // Русский писатель Георгий Дмитриевич Гребенщиков. [Б.м.], 2007–2008. URL: <http://grebensh.narod.ru> (дата обращения: 25.06.2008).
35. Чистов К.В. Традиция и вариативность // СЭ. 1983. № 2. С. 14–22.
36. Новоселов А. Отчет о поездке на Алтай // Известия ЗСОИРГО. 1913. Т. 1, вып. 2. С. 1–18.
37. Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П. Кто такие бухтарминские старообрядцы // Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 1–48.
38. Материалы этнографической экспедиции Алтайской государственной академии образования, 1999, Красногорский район, с. Карагайка, Косарева Е.Г., Черятева А.Г., Шестакова Е., с. Карагуж, Воронина М.В.; 2002, Алтайский район, с. Алтайское, Воронкова М.И., Сорокина А.М. с. Куяча, Серебрянников И.Я.; 2011, Солонешенский район, с. Сибирячиха, Попова И., Чернокова В.Л., с. Топольное, Архипова А.Г., Сысоева В.С., Федорова В.П., с. Туманово, Новикова Н.С., Стрельцова А.Г.
39. Кон И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М., 1997 // Сексология: персональный сайт И.С. Кона. [Б.м.], 1998–2006. URL: <http://sexology.narod.ru/book.html> (дата обращения 19.07.2006).
40. Коляскина Е.А. Трансформация традиционных представлений русских крестьян Алтая о деторождении во второй четверти XX в. // Частное и общественное: гендерный аспект : материалы Четвертой Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2011 г., Ярославль. М., 2011. Т. 2. С. 211–214.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 февраля 2013 г.